

2.3.4. Всемирный фестиваль молодежи в Москве, прорыв в космос, снятие Жукова

С 28 июля по 11 августа в Москве под лозунгом «За мир и дружбу» проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Он должен был продемонстрировать миру новый облик страны: ее открытость, миролюбивость и демократичность. В его программе были встречи делегаций, семинары, дискуссии по насущным проблемам современности, конференции, митинги, манифестации, а также художественные и спортивные мероприятия. И комсомольские, и партийные организации достаточно серьезно отнеслись к его подготовке и проведению. Тщательно подобранная советская делегация включала в себя представителей всех социальных слоев и национальностей. Так же тщательно готовились делегации из стран народной демократии. Сложнее обстояло дело с представителями молодежи из других стран, особенно капиталистических. Среди них были не только молодые коммунисты, но и социалисты, и христианские демократы, и либералы. И предстояло достойно представить им первую страну социализма, а по возможности и убедить их в преимуществах советского строя.

Сложнее обстояло дело с контактами между иностранцами и людьми с улицы. Чтобы свести их к минимуму, не без успеха старались занять зарубежных гостей так, чтобы у них не оставалось свободного времени. А свободный доступ к ним простых советских граждан был до максимума затруднен многочисленной охраной, действовавшей под видом «добровольных бригад содействия милиции». Чекистам было поручено усилить бдительность и на всякий случай «почистить» Москву от неблагонадежных и враждебно настроенных элементов.

В конце июня 1957 г. милиция задержала около гостиницы «Метрополь» подростка, подбрасывавшего в иностранные автомобили листовки с призывом «Долой кремлевских вождей!», и передала его чекистам. А 30 июня у его двоюродного брата В. Бушуева при обыске обнаружили массу таких листовок и программу «Организации освобождения России». В течение последующих пяти-шести дней эта «организация», состоявшая из нескольких юношей преимущественно докомсомольского возраста, наслушавшихся разговоров взрослых о царящей кругом несправедливости и вдохновленных подвигом антифашистской «Молодой гвардии», была ликвидирована {1024}.

Чтобы не подвергать себя излишней опасности, многие оппозиционно настроенные люди предпочитали покинуть на это время столицу. Такое решение, например, приняли члены кружка Краснопевцева. Но соблазн был велик. И самый молодой и горячий его участник, Козовой, не только остался, но и стал пользоваться любым случаем для встреч с западными студентами для обмена информацией.

Но особых неприятностей организаторам фестиваля политические оппоненты советской власти не причинили. Мало того, среди иностранных гостей, особенно из стран Азии и Латинской Америки, у СССР после этого появилось довольно много не просто симпатизирующих ему, но и преданных друзей. Некоторые из них таковыми оставались и впоследствии, делая успешную политическую и государственную карьеру.

Атмосфера фестиваля, несмотря на его заранее предусмотренную регламентированность и заорганизованность, казалась легкой и непринужденной. Весь город был в гирляндах, плакатах, лозунгах, эмблемах, изображениях «Голубя мира» Пикассо. Вечерами улицы освещала праздничная иллюминация. Повсюду из громкоговорителей звучала музыка и песни вроде специально приготовленных к этому событию «Если бы парни всей земли...» и «Мы все за мир, клятву дают народы...». Огромное число запланированных мероприятий разного типа не помешало простому, стихийному и неподконтрольному общению людей на улицах в центре Москвы и в местах проживания гостей на ее окраинах.

На жителей Москвы и тысячи молодых людей, нагрянувших туда в те дни из провинции, фестиваль оказал очень сильное воздействие. Поражал, прежде всего, внешний облик иностранных гостей: все они были одеты по-разному: пестро, удобно, спортивно и нарочито небрежно, но вовсе не так, как это изображалось нашими карикатуристами и как хотели бы выглядеть отечественные «стиляги». Даже «штатник», как он сам себя с гордостью называл за стремление одеваться и обуваться во все американское, джазист А. Козлов признавал: «Чувствовалось, что люди, приехавшие к нам оттуда, вовсе не придают такого значения своей внешности, как это происходило у нас... Ведь в СССР только за узкие брюки, длину волос или толщину подошв ботинок можно было вылететь из комсомола и института, внешность была делом принципа, носила знаковый характер»{1025}. Тогда же в Москве появились и вскоре стали входить в моду джинсы и рок-н-рол. А будущий драматург Э. Радзинский в стенгазете Историко-архивного института высмеивал «штанишников» – студентов, посмеявшихся появляться на занятиях в брюках.

Фестиваль вызвал у москвичей массовое желание общаться, причем не только с иностранцами, но и между собой. Погода в течение этих двух недель стояла отличная, и толпы народа буквально заполонили главные магистрали, по которым проезжали в автобусах и на открытых грузовиках делегации. Ночами люди собирались в центре Москвы, на Манежной площади, у Моссовета и памятника Пушкину и в других местах. В основном это была молодежь, хотя иногда там можно было встретить и пожилых людей, любителей поспорить. А доморощенные дискуссии возникали на каждом шагу и по любому поводу, кроме, пожалуй, политики, потому что и опасались, и (а это, наверное, более существенно) в чистом виде ею не очень-то интересовались. Но политический характер принимал любой спор о литературе, живописи, музыке, моде. Это были не столько споры, сколько первые попытки свободно высказать свое мнение другим, чаще всего незнакомым людям и отстаивать его. Тот же А. Козлов вспоминал позже, как светлыми ночами на мостовой улицы Горького стояли отдельные кучки людей и в центре каждой из них несколько человек горячо обсуждали какую-нибудь тему, а остальные, окружив их плотным кольцом, вслушивались, набирались ума-разума, привыкая к самому этому процессу – свободному обмену мнениями. «То были первые уроки демократии, первый опыт избавления от страха, первые, абсолютно новые переживания неподконтрольного общества»{1026}.

И контакты советских граждан с иностранцами, и их дискуссии между собой не очень-то нравились властям, но, вынужденные «держат марку», они терпели это, пока длился фестиваль. Но сразу же после его окончания стали предприниматься меры по наведению порядка, по ликвидации негативных его последствий. С лицами, замеченными в слишком активных контактах с иностранцами, проводились «профилактические беседы».

Уже 14 августа «за связь с иностранным шпионом» арестовали Козового, а вслед за ним и

остальных членов группы Краснопевцева. Их обвинили в антисоветской, контрреволюционной деятельности, направленной на ликвидацию существующего в СССР общественного и экономического строя и на реставрацию капитализма. Они это, естественно, пытались отрицать, ибо тогда страшнее наказание могло последовать разве что за умышленное убийство. Ныне некоторые из них признают, что это была «правильная оценка наших настроений и взглядов», хотя другие придерживаются иного мнения: их выступление было «в рамках данной системы и имело целью ее совершенствовать». Характерно было и поведение следователей, которые говорили им:

– Вам просто повезло. Случись это годика три назад, вас бы просто расстреляли, а человек 300 точно село бы по вашему делу лет на 10 минимум.

Суд огласил такой приговор, заранее согласованный КГБ с Президиумом ЦК КПСС: Краснопевцева, Меньшикова и Ренделя лишить свободы на 10 лет каждого; Козового, Семененко и Чешкова – на 8 лет; Гольдмана, Обушенкова и Покровского – на 6 лет. Чекисты настаивали на привлечении к судебной ответственности еще 12 человек, читавших реферат Краснопевцева. Но санкции на это не получили. Правда, их наказали в партийном и комсомольском порядке. Так, Н.Я. Эйдельмана исключили из ВЛКСМ и выгнали с работы {1027}.

В августе же 1957 г. КГБ арестовал сотрудника отдела писем профсоюзной газеты «Труд» Д. Киселева, 46 лет, члена КПСС с 1942 г., окончившего Московскую областную партийную школу. Он выписывал из газетных отчетов о митингах имена рабочих и служащих, выступавших с одобрением последних мероприятий советского руководства, узнавал их адреса и направлял им анонимные письма, всячески укоряя их за участие в распространении официальной лжи. В этих письмах он, как отмечало руководство КГБ, допускал «злобные выпады по отношению к Коммунистической партии и ее руководителям» и призывал к их отставке. А в случае невыполнения этого требования – к массовому выходу из рядов партии. Всего таких писем в КГБ было учтено 22. Московский городской суд приговорил их автора к 5 годам лишения свободы {1028}.

Усилилась борьба не только против политически инакомыслящих, но и против экономически инакодействующих. Дело в том, что распространившееся уже в течение последних нескольких лет среди части молодых людей, так называемой «золотой молодежи» или «стиляг» стремление и в одежде, и во всем прочем подражать западным образцам превратилось для некоторых из них в профессиональное занятие доставать и перепродавать модную одежду и обувь иностранного происхождения. Так вот, во время фестиваля «фарцовщики» (так они сами себя звали) нашли еще одну, гораздо более доходную нишу, спекулируя на разнице между официальным обменным курсом рубля и неофициальным, незаконным. Вскоре «валютчики» стали своего рода «элитой» теневых предпринимателей, занимавшихся или массовым изготовлением в подпольных цехах («цеховиков») и реализацией трикотажных и других товаров повышенного спроса, или скупкой и перепродажей краденого имущества, или другими незаконными, с точки зрения социалистического государства, делами.

Пришлось тогда же ужесточать и борьбу против проникновения из-за рубежа и последующего воспроизводства на нашей почве различных видов массовой культуры, которые были сочтены за чуждые или даже враждебные. Но было уже поздно. Один из нонконформистов того времени А. Козлов, о воспоминаниях которого уже речь шла, теперь считает, что «Софья Власьева (так мы называли советскую власть)» совершила роковую ошибку, устроив этот фестиваль, ибо он стал началом краха системы. С одной стороны, «фестиваль породил целое поколение диссидентов разной степени отчаянности и скрытости, от Вадима Делоне и Петра Якира до «внутренне эмигрировавших» интеллигентов с «фигой в кармане». С другой стороны, «зародилось новое поколение партийно-комсомольских функционеров, приспособленцев с двойным дном, все понимавших изнутри, но внешне преданных системе» {1029}.

В разгар фестиваля, 2 августа 1957 г., было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства в СССР, в котором Госплану и республиканским органам власти предписывалось «при определении объемов жилищного строительства исходить из необходимости ликвидации в ближайшие 10-12 лет недостатка в

жилищах для трудящихся». Предусмотренный пятилетним планом объем государственного жилищного строительства на 1956-1960 гг. увеличивался с 205 до 215 млн. квадратных метров{1030}. Многие расценили это постановление как очередной пропагандистский шаг власти. Ведь из памяти людей еще не стерлись четырехлетней давности обещания накормить, одеть и обуть народ в течение двух-трех лет. Весьма наглядной в этом плане выглядела и личная судьба автора этого обещания – Маленкова. Лишь со временем гигантские масштабы жилищного строительства стали убедительным доказательством серьезности намерения решить, пожалуй, самую острую для городского населения проблему.

С не меньшим скепсисом поначалу было встречено и появившееся в печати 27 августа сообщение ТАСС о том, что в Советском Союзе проведены успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты. «Пройдя в короткое время огромное расстояние, ракета попала в заданный район. Полученные результаты показывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара. Решение проблемы создания межконтинентальной баллистической ракеты позволит достигать удаленных районов, не прибегая к стратегической авиации, которая в настоящее время является уязвимой для современных средств противовоздушной обороны»{1031}.

Но спустя месяц с небольшим страна и мир узнали из нового сообщения ТАСС о том, что в СССР создан первый в мире искусственный спутник Земли диаметром в полметра и весом 86,7 кг, который 4 октября 1957 г. запущен на околоземную орбиту высотой до 900 километров и передает оттуда радиосигналы. Ликованию советских граждан не было предела. Так как в сообщении ТАСС указывалось время пролета этого спутника над Москвой (1 час 46 минут и 6 часов 42 минуты в ночь с 5 на 6 октября), тысячи людей пытались разглядеть это чудо в ночном небе, и многие утверждали, что видели там светящуюся и двигающуюся точку.

Вспоминая это событие, 64% опрошенных в 1998 г. и почти 87% опрошенных в 1999 г. употребляли такие выражения как «испытывали воодушевление, радость, восторг, ликование».

«Все были в диком восторге, ликовала вся Москва», – вспоминала инженер нефтеперерабатывающего завода в Капотне А.С. Шурова. Вместе с другими разделяла ликование на Красной площади рабочая СУ-19 Мосстроя А.Т. Булычева. «Мы все радовались и поздравляли друг друга», – вспоминал новосибирский строитель А.А. Чуркин. Смотрели в ночное небо и искали двигающуюся по нему точку казахстанский геолог М.И. Тухтин и рабочий Красногорского оптико-механического завода В.Д. Бакин. Утверждал, что «видел сам», шофер из деревни Аксеново Раменского района Ю.И. Чумаров. «Все выходили на улицу, ждали, когда пролетит спутник», и в Петрозаводске. Праздничное гулянье было в тюменской деревушке Буреевка. На железнодорожной станции Чаплыгин «мужики все напились, но в милицию, по случаю такого праздника, никого не забирали», – вспоминала нормировщица 22-й дистанции пути А.А. Орлова{1032}. У ликующего студента Старо-Оскольского геологоразведочного техникума В.Р. Червяченко это событие укрепило мнение, что «нам все по силам!»{1033}

Упомянули, что испытывали гордость за страну, 49% опрошенных в 1998 г. и 34, 5% опрошенных в 1999 г.

«Мы первые!» – вместе с другими восклицал рабочий Мосстроя М.М. Гурешов. «Не кто-нибудь, а мы первые!» – вторил ему рабочий завода № 30 А.И. Кирьянов. «Народ ликовал: «СССР снова первый!»» – свидетельствовал шофер автобазы Центросоюза Н.В. Рыков. «СССР вышел вперед!» – ликовали, по свидетельству доярки Е. П. Соколовой, в селе Солодилово Воловского района Тульской области. «Утерли нос всему загнивающему Западу!» – говорила В.Г. Левина из военного гарнизона Остафьево в Подольском районе. «Это доказывает преимущество СССР над США!» – соглашался шофер из деревни Аксеново Раменского района Ю.И. Чумаров. «Значит, мы лучше и умнее всех!» – думал рабочий Хмельницкой МТС Н.А. Бондарук. «Встряску национальной гордости» испытал студент Рязанского радиотехнического института В.В. Карпецкий{1034}.

И вот на фоне такого всеобщего ликования и патриотического подъема прозвучало известие о том, что человек, олицетворявший в массовом сознании с Великой Победой, маршал Г.К. Жуков обвинен в бонапартистских намерениях, удален из Президиума ЦК КПСС, снят с поста министра обороны и отправлен в отставку.

Историки, вроде бы, едины во мнении, что Хрущев пошел на такой шаг, видя в

решительном и популярном маршале возможного конкурента. Причем сам маршал давал ему для этого повод. Став членом Президиума ЦК, начал давать советы и наставления по всем вопросам. Вопрос еще не до конца обсужден, а он уже пишет резолюцию. На партсобрании штаба сухопутных войск на одном из командных пунктов Главкомата в Белоруссии, рассказывая об июньском пленуме ЦК КПСС, Жуков поведал о том, как в самый решающий момент пригрозил, что если будет вынесено решение о смене руководства, то будет действовать через голову заговорщиков и обратится непосредственно к армии и народу, сообщив, как и что на самом деле есть. И добавил:

– И через голову армейских и местных партийных организаций! {1035}

Главком сухопутных войск и первый заместитель министра обороны Р.Я. Малиновский поспешил сообщить об этом самому Хрущеву:

– Меня как удар грома ошеломило такое заявление товарища Жукова.

Автора попросили объяснить. Он ответил:

– Верно, я говорил так на партийных собраниях. Но что же здесь такого? Я ведь правильно говорил, как с антипартийной группой бо-ролся {1036}.

Еще в конце лета 1957 г. Хрущев находился на отдыхе в Крыму. По какому-то случаю, вероятнее всего в связи с очередными испытаниями ядерного и термоядерного оружия и успешного запуска первой межконтинентальной баллистической ракеты, к нему туда приехали почти все его соратники. За застольем произносились тосты за всех присутствующих. Дошла очередь и до председателя КГБ И.А. Серова. Но когда были высказаны обычные пожелания здоровья и успехов в работе, неожиданно встал Хрущев и, обращаясь к нему, заявил:

– КГБ – это наши глаза и уши. Но если они будут смотреть не в ту сторону, то мы их выколем, а ушиотрежем и сделаем так, как сказал Тарас Бульба: «Я тебя породил, я тебя и убью».

Сам Серов принял эти слова на свой личный счет, как намек на какую-то нелояльность и может быть даже интриги. Очевидно, точно так же понял этот выпад и сидевший рядом с ним министр культуры Н.А. Михайлов, сказавший ему:

– Ну, Иван, я тебе не завидую {1037}.

Что стояло за этой вспышкой гнева первого человека в партии и стране? Действительное недовольство, подогреваемое интригами других членов Президиума ЦК (в первую очередь Брежневым), или намеренное стремление убедить кое-кого (например, Жукова) в том, что вовсе не он, а кто-то иной является объектом подозрений и может быть скоро принесен в жертву. Не исключено, что Хрущев руководствовался при этом и тем и другим мотивом, стремился одним выстрелом убить двух зайцев: лишний раз показать его настоящее место одному и одновременно усыпить бдительность другого. Если так, то это ему прекрасно удалось.

4 октября 1957 г., в день запуска первого спутника Земли, Жуков поднялся в Севастополе на борт крейсера «Куйбышев» и отплыл с 10-дневным официальным визитом в Югославию, после которого направился еще и в Албанию.

6 октября в Советском Союзе на большой высоте было произведено испытание мощного водородного заряда новой конструкции. 7 октября атомный взрыв на испытательном полигоне в Неваде совершили американцы. Принимая в этот день корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» Дж. Б. Рестона, Хрущев заверял его, что не видел ни испытания ядерного оружия, ни запуска спутника:

– Мне позвонили и сообщили, что ракета легла на заданный курс и что спутник уже вращается вокруг Земли. Я поздравил весь инженерно-технический коллектив и пошел спать.

Интересовался Рестон и тем, как советский лидер мыслит себе победу советского блока в случае, если вдруг разразится новая мировая война. Останется ли на Земле что-нибудь живое?

– Потери, конечно, будут колоссальными, – последовал ответ. – Человечество не только сохранится, но и будет развиваться дальше. И мы убеждены, что социализм будет жить, а капитализм не сохранится. Народы сделают вывод, что нельзя больше терпеть такую систему, которая порождает войны, и установят в своих странах социалистические порядки {1038}.

Хрущев последовательно пытался внушить Америке и всему миру, что СССР первым войну не начнет, что ее могут развязать только империалисты. Была ли на самом деле такой наша военно-стратегическая концепция, неизвестно. Но именно тогда некоторым студентам,

проходившим офицерские сборы в вооруженных силах, приходилось слышать от своих командиров предостережения против излишних пацифистских иллюзий в отношении намерений советского руководства:

– В случае чего мы ударим первыми! 1941 год не повторится!

После ряда сообщений о происках американцев на Ближнем Востоке, 23 октября 1957 г. в тбилисской газете «Правда Востока» было опубликовано сообщение о том, что маршал К.К. Рокоссовский назначен командующим войсками Закавказского военного округа. 25 октября в разделе «Хроника» это сообщение перепечатала «Правда»{1039}. На следующий день в Москву из Тираны прилетел Жуков{1040}. Кто-то подумал было, что все это звенья одной цепи, связанные с очередным обострением международной обстановки. Оказалось, что дело не в этом.

17 октября начальник Главного политического управления СА и ВМФ С.Л. Желтов, докладывая Президиуму ЦК КПСС о состоянии политической работы в армии, сетовал на то, что эта работа принижена, причем по вине министра обороны.

– Товарищ Жуков мне говорил, что добьется того, чтобы военные советы стали совещательными органами при командующем. А однажды, в перерыве совещания политработников, за столом в присутствии Малиновского, Баграмяна, Золотухина (заведующего административным отделом ЦК КПСС. – Ю. А.) , меня и Бирюзова заявил, что если бы политработникам рыжие бороды привесить и кинжалы дать, они всех бы командиров прирезали. Главпур ограничивается им в своей деятельности. Мне, как начальнику ПУРа, не разрешено выезжать в войска без его разрешения. И вообще он неприязненно относится ко мне из-за того, что будто бы я был против назначения его министром. А самого себя позволяет возвеличивать. Посмотрите, например, кинофильм «Сталинградская битва» или картину художника Васильева, где товарищ Жуков изображен на белом коне на фоне горящего рейхстага{1041}.

Ему довольно резко стал возражать заместитель министра и главнокомандующий сухопутными войсками маршал Р.Я. Малиновский:

– Сложилось впечатление, что только товарищу Желтову политорганы близки, а нам чужды. Но это неверно. Другое дело, как сложились отношения у начальника ПУРа с министром. Больно слышать, что военные, маршалы зазнались. Но они этого упрека не заслужили. Есть натянутость, но надо все излагать объективно. Обижаются низовые работники на Желтова, не попасть на прием{1042}.

В том же духе выступил первый заместитель министра, главнокомандующий объединенными вооруженными силами государств-членов организации Варшавского договора маршал И.С. Конев:

– Не могу согласиться с оценкой политработы в армии, которую дал товарищ Желтов. Нельзя противопоставлять политработника командиру. Не соответствует истине, что военачальник, что хочет, то и делает. Кадры армии преданы партии. А вот личные отношения между министром и начпуром ненормальные.

Член Президиума и секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов согласился, что политическое состояние армии высокое, но согласился и с тем, что роль политорганов ослаблена.

– Один командующий передал, что на одном совещании товарищ Жуков заявил, что политработники привыкли за 40 лет болтать и потеряли нюх, словно старые коты.

– Товарищ Желтов не охаивал состояние армии и не противопоставлял командиров политработникам. Но если начальник ПУРа не может без разрешения [поехать] в войска, это не может не вызвать тревоги, – сказал еще один член Президиума и секретарь ЦК КПСС Н.И. Беляев.

И предложил усилить административный отдел ЦК, ведающий всеми силовыми структурами.

«Не понял» Малиновского и Конева Н.Г. Игнатов. А ведь «они должны помочь ЦК».

Призвал серьезно отнестись к сигналам о неблагополучии О.В. Куусинен:

– Разве презрительное отношение со стороны министра к политработникам не объективный факт? Монополии у министра на связь армии с партией не может быть.

Виноватым видел Жукова и Н.М. Шверник:

– Взял линию осадить политорганы и сделать их ручными, подмять их под себя, все время мордует Желтова. Предупредить надо серьезно его {1043}.

Непонятно было и Микояну, от кого Конев и Малиновский защищают армию:

– Товарищ Желтов отразил наболевшее – то, что нарочито принижают политработников. Начальник ПУРа не подчинен министру {1044}.

Согласился с тем, что вопрос поставлен правильно, и Н.А. Булганин:

– Не о противопоставлении идет речь. Вопрос поставлен о принижении политорганов в армии. Это линия руководства, министра – превратить их в совещательный орган при командующем. Товарищ Жуков предложил ликвидировать Главный военный совет при министерстве, он его и не созывал.

– Многое не знали мы, – посетовал А.И. Кириченко. – С руководством армии мы связаны через одно лицо.

– Товарищ Желтов ничего обидного для руководства министерства не сказал, – взяла слово Е.А. Фурцева. – Меня поэтому поразили заключения товарищей Малиновского и Конева, Давайте объективно разбираться. Ликвидация военных советов – это стремление к неограниченной власти.

– Товарищ Желтов может быть недобрал, говоря о ненормальностях, – сказал Ворошилов.

– А сгусток ненормальностей довольно сильный. Товарищ Жуков взял совершенно неправильную линию. У товарища Желтова тоже много упущений: почему он молчал?

Подводя итоги обсуждения, Хрущев сказал, что доклад сделан, конечно, только «с позиции кричащих недостатков», но и реакция на него Малиновского и Конева «тоже однобокая».

– Но если мы поставим вопрос об усилении партийной работы, никто не может говорить против. Сила в партии. Нельзя чтобы, если Жукова подняли, он захотел у нас на шее сидеть. Придется обезживать {1045}.

Для выработки проекта постановления об улучшении партийно-политической работы в СА и ВМФ была выделена комиссия во главе с Суловым и с включением в нее Малиновского и Конева.

Машина закрутилась. 19 октября Президиум ЦК принял этот документ, постановив разослать его по телеграфу в войска, а 22 октября провести гарнизонные активы в Москве, Ленинграде и других крупных городах с участием членов Президиума ЦК {1046}. Партийный актив центральных управлений Министерства обороны, Московского военного округа и Московского округа ПВО с членами военных советов зарубежных групп войск собрали в Кремле. После доклада Желтова слово взял сам Хрущев. Он говорил много – о спутнике, о том, кто разрабатывал Сталинградскую операцию, о других сражениях Великой Отечественной войны, о спорах с адмиралом Кузнецовым, о новой военной технике, которая идет на смену бомбардировщикам и пушкам, не спеша подбираясь к главному:

– Товарищи, члены Президиума обменивались мнениями, я их спросил сейчас, могу ли я сказать на этом активе. Они говорят: нужно сказать. Такой напрашивается вопрос: может быть, министра обороны не следует держать в составе членов Президиума ЦК, чтобы маршалы, генералы могли поспорить, а без спора ни одно разумное дело не решается. Правильно это будет?

Если верить стенограмме, с мест раздались голоса «Правильно!» и бурные аплодисменты {1047}.

В тот же день подобные собрания состоялись в 9 военных округах, а также в Горьком. И наиболее характерными вопросами из числа поступивших в президиумы собраний всюду были такие: «Был ли товарищ Жуков при вынесении этого постановления и как он расценивает его? Почему этот вопрос обсуждался без министра обороны?». В Риге, например, последний вопрос содержался в 20 записках {1048}.

В одной из записок, поданных в Кремле, также спрашивалось: «Принимал ли участие в разработке решения ЦК, которое нам зачитали, маршал Жуков?». Хрущев разъяснял этот вопрос так:

– Естественно, он не мог принимать. Потому что его сейчас нет в стране, он находится в командировке... Если это опять же вопрос в какой-то степени имеет какую-то подковырку, что

я прямо отвечаю: был бы Жуков или его не было – от этого решение не изменилось бы, потому что вопрос не в персонах, а в политике... Я не знаю, как будет реагировать товарищ Жуков, но решение все равно было бы таким, каким оно принято {1049}.

Другой вопрос касался Желтова: почему он не был избран ни в ЦК, ни в ЦРК на XX съезде партии?

– Это было наше упущение, – признал Хрущев. – Не попал только лишь по большому недоверию. Ставился вопрос о том, чтобы освободить его от этого дела и что его не стоит избирать. Вы спросите, кто ставил? Об этом говорил Жуков. Мы советовались в Президиуме. Мы доверяли Жукову как коммунисту, но нужно было иметь свой разум. Это была ошибка {1050}.

О том что в Москве происходит совещание актива и было заседание Президиума, где разбирались обвинения в его адрес, Жукову кто-то сказал еще до отлета из Тираны. А вот в Москве на аэродроме ему сразу предложили поехать на заседание Президиума ЦК. Он приехал, доложил об итогах своей поездки и сразу почувствовал, что дело «не в итогах, а совсем в другом». Его поездку одобрили, признав «полезной для сближения советского народа с югославским и албанским народами». Но в то же время отметили «поспешные и не совсем правильные выводы в оценке положения в Югославии» {1051}.

Но то был только зачин. Потом Суслов зачитал постановление о состоянии партийно-политической работы в советской армии и состоянии руководства Министерства обороны. Пораженный Жуков заявил:

– Готов признать критику и поправить ошибки. Но не считаю правильным, что без меня собирали такое совещание и обсуждали вопрос. Вывод считаю диким – что я стремился отгородить вооруженные силы от партии. Отметаю, что запретил кому-то информировать ЦК. Прошу расследовать, что я принижаю партийно-политическую работу в армии. Я не признаю, что это делал. О товарище Желтове: я считаю его как руководителя политической работы в армии слабым. О культе личности: слава мне не нужна, но есть, видимо, ляпсусы. Прошу назначить комиссию для расследования.

Все было напрасно. Члены и кандидаты в члены Президиума один за другим предъявляли ему широкий спектр обвинений, дополнявших главное {1052}. Ему сказали:

– В Президиуме создалась тревога, как бы Жуков своим характером и авторитетом не заставил нас плясать под свою дудку. Члены Президиума боятся тебя и потому не доверяют {1053}.

Решено было освободить Жукова от обязанностей министра обороны, назначив на этот пост Малиновского {1054}.

В ту же субботу 26 октября Жуков позвонил Хрущеву и в ходе часового разговора сказал ему:

– Ты лишаешься лучшего друга {1055}.

А потом был пленум ЦК КПСС, оформивший это решение. Итак, его обвинили в том, что он не хочет, чтобы Центральный комитет ближе знал жизнь вооруженных сил, деятельность министра и командующих.

Выступавшие (а всего их было 25 человек, в том числе 16 военных), не только одобряли отстранение Жукова от обязанностей министра обороны, но и предлагали вывести его из Президиума ЦК и из членов ЦК. 29 октября все члены ЦК, кандидаты в члены ЦК, члены Центральной ревизионной комиссии и приглашенные (командующие видами войск и военными округами) проголосовали за это, после чего Жуков покидает зал, а председательствовавший на заседании Хрущев сказал вслед ему:

– Это хорошая демонстрация силы, единства нашей партии {1056}.

На самом деле это была «хорошая демонстрация» всемогущества первого человека в партии, слепой покорности всех прочих его желанию и воле. А ведь он, ставя на голосование вопрос о выводе Жукова из числа членов ЦК, не позаботился даже объяснить, на каких формальных, процедурных основаниях это делается. Ведь, согласно партийному уставу, член ЦК избирается на съезде и, в соответствии с резолюцией X съезда РКП(б) «О единстве партии», может быть выведен оттуда самим ЦК только в случае, если уличен в создании фракции (отдельной группы со своей собственной программой). В случае с «антипартийной группой» эта формальность

была худо-бедно соблюдена. А какую фракцию может представлять один человек? Заниматься искусственным ее созданием, как это делали раньше по приказу Сталина чекисты, Хрущев и не думал. Поэтому ему ничего другого не оставалось, как просто-напросто пренебречь партийными законами и традицией, даже если она вела свое начало от Ленина.

Точно такое же пренебрежение проявилось и к тому пункту резолюции пленума ЦК, в котором содержалось поручение Секретариату ЦК «предоставить т. Жукову другую работу»{1057}. Оно так и осталось на бумаге.

3 ноября 1957 г. постановление пленума ЦК КПСС было опубликовано. Из него можно было узнать, что Жукова убрали за недостаток партийности, за проведение линии «на свертывание работы партийных организаций, политорганов и военных советов, на ликвидацию руководства и контроля над армией и военно-морским флотом со стороны партии и ЦК и правительства»{1058}.

Позже многие из присутствовавших на том пленуме разводили руками и оправдывались, что ничего не могли сделать, что все было более что не таким уж он и безгрешным был.

Иначе думали и говорили люди простые. 8 ноября некто Яковлев писал в журнал «Вопросы философии», что обсуждение решения о снятии Жукова проходит явно неверно: «Нельзя обвинять любого человека в чем-либо, не зная, что он говорил по предъявленному ему обвинению. Это же чисто сталинский метод обвинения людей на основе односторонней информации, при 100% отсутствии свободы слова в печати». Он обвинял ЦК КПСС и его Президиум в том, что они «совершенно не знают мнения членов партии по вопросу о снятии тов. Жукова и по другим вопросам»{1059}.

Объявленным тогда причинам этой отставки – «авантюризм», «линия на отрыв вооруженных сил от партии и противопоставление армии партийному руководству» поверили всего лишь 6% опрошенных в 1998 г. и 5% с небольшим опрошенных в 1999 г.

По свидетельству Б.Г. Маскина из Коломны, «те, кто воевал, были за снятие маршала с поста министра». По мнению А.Н. Степанова, рабочего Шатурской ГРЭС, недавно отслужившего в армии, Жуков действительно «стремился разогнать политорганы» и почти добился этого, а к тому же был «очень груб». Не очень хорошего мнения о Жукове был работник Ленгипростроя И.Ф. Григорьев: «Хоть он и был великий полководец, у него было много самодурства в характере. Он отменил институт комиссаров, и с тех пор пошла дедовщина в армии. Мы это не приветствовали». «Мы вздохнули с облегчением, когда произошла отставка Жукова, – говорил лейтенант инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкин, – так как он убрал политорганы, а также ввел час физкультуры и хотел переодеть морскую авиацию в сухопутную форму»{1060}.

Поверили, но с трудом и не всем обвинениям, сомневались в их истинности еще соответственно 3 и 2% опрошенных.

Неубедительными нашли обвинения 39% опрошенных в 1998 г. и 60,5% опрошенных в 1999 г.

Не поверил обвинениям водитель из города Железнодорожный П.С. Окладников: «Скорее всего, Хрущев опасался популярности Жукова». «Хрущев боялся, что Жуков будет претендовать на его место», – полагали рабочий Мосстроя М.М. Гурешов и сотрудник Внуковской таможни Ю.Н. Шубников. Такого же мнения придерживались еще 7 респондентов. Несправедливым считал то, как с Жуковым поступили, студент Московского института геодезии и картографии А.С. Косткин: «Он великий герой войны!». Так же думали новосибирский строитель, участник войны А.А. Чуркин, московский рабочий В.К. Гавриленко, домохозяйка из подмосковного поселка Звягино А.П. Алабова и еще 14 респондентов. «Если «авантюризм» у кого-то и был, то только у власти», – полагала жительница села Савинцы Ракитянского района Киевской области Л.П. Пиханова. «Авантюрой правительства» возмущенно называла тот факт, что «прогнали героя», учительница из тюменской деревни Буреевка В.П. Торопова. Клеветой посчитал все обвинения военнослужащий А.П. Брехов: «Говорили, что он повесил в ПДСА картину, изображавшую его въезжающим в Кремль верхом на белом коне. Но ведь это же было реальное изображение парада Победы!». Не верила и открыто высказывала свое мнение, несмотря на угрозы привлечь к суду, рабочая Раменского текстильного комбината «Красное знамя» Т.П. Евсеева{1061}.

«Все уважали Жукова и не верили обвинениям», по словам домохозяйки из Калинина В.В. Алексеевой. «Кучка партийного руководства завидовала народной любви и боялась, что Жуков возьмет верховное руководство», – говорила учительница Л.А. Змитрук. «Если бы Жуков захотел власти, он взял бы ее, так как военные были на его стороне», – полагал офицер КГБ в ГДР А.И. Носков{1062}.

«Жуков привел нас к победе, мы ему верили, а не его недругам», – заявляла доярка М.С. Прилепо из деревни Струменка Суражского района Брянской области{1063}. Ссылаются на то, что Жуков «выиграл войну» еще 7 респондентов{1064}.

«Написали всем заводом Хрущеву, – свидетельствовал слесарь завода № 11 в Краснозаводске М.Ф. Шилков. – Ответа не было»{1065}.

Были удивлены, не одобрили отставку Жукова, сожалели о ней, считали ее ошибкой, но не ответили на вопрос, поверили ли они в объявленные причины этой отставки, 30% опрошенных в 1998 г. и 12,5% опрошенных в 1999 г.

Отставка Жукова вызвала большое возмущение среди фронтовиков{1066}. Не вдаваясь в существо обвинений, не верил в этот «поклеп» Б.Г. Ануфриев, строгальщик ВНИИ легких сплавов в Кунцево{1067}. «Я бы вместо Жукова разогнал бы всех, кто его снял, он был решительный и требовательный, но за народ», – говорил В.Т. Гришаев, совхозный ветеринар из села Николаевка в Косторненском районе Курской области{1068}.

«Омерзение к Хрущеву» стала испытывать инженер ВЭТИ им. Кржижановского Л.П. Смирнова: «Снял из-за боязни!»{1069}. «Мерзавцем, ублюдком трусливым» возмущенно называл Хрущева земляк «народного героя» В.В. Голубков из деревни Жуковка в Калужской области{1070}.

Не поняли, в чем суть, испытывали замешательство, двойственное чувство около 4% опрошенных.

Не задумывались над причинами отставки Жукова, не имели мнения, затруднялись с ответом 3% опрошенных. Не обратили внимания, остались безразличными соответственно 5 и 2% опрошенных. Не могут вспомнить от 3 до 4% опрошенных. Нет ответа или он не поддается толкованию у соответственно 4 и 3,5% опрошенных.

Итак, удалив с политической сцены «народного героя», в котором он, может быть, и видел своего потенциального конкурента, пользовавшегося несомненным авторитетом в народе, Хрущев подорвал тем самым в немалой степени свой собственный авторитет. Об этом свидетельствовали и анекдоты, появившиеся в то время. Вот один из них: «Новый спутник запустили, вышел на орбиту. В нем собаку посадили. Лучше бы Никиту!»{1071}. Другой его вариант: «Наши спутник запустили прямо на орбиту. Туда лайку посадили. Жаль, что не Никиту!»{1072}